УХОДИ, Я ОСТАЮСЬ счастливой...

Как часто наши мечты остаются несбыточными только потому, что мы не позволили себе в них поверить, не пустили в свою жизнь, полагая, что «не по Сеньке шапка». Заниженная самооценка, страх разочарования и обид закрывает двери перед теми людьми, которые могли бы стать близкими. Но если и не стали... все было не бессмысленно. Жизнь учит ценить каждое светлое мгновение. Воспоминание о нем остается навсегда.

...Шелестели страницы огромного синего англо-русского словаря. Вредное словосочетание «fairy-tale», необходимое сыну «прямо сейчас» для завтрашнего урока английского, никак не обнаруживалось. «Fail» - неудачник, « fairly» — справедливо... Лида старалась не торопясь проговаривать буквы английского алфавита, чтобы попасть в нужный столбец, и мысленно убаюкивала нервы: «Сейчас найду. В этом словаре есть абсолютно все слова, которые могут пригодиться шестикласснику. Все до единого. И много сверх того. Я просто невнимательна. Нужно удобно сесть на диван и...» Что-то хрупкое и яркое, спрятанное и забытое между страниц толстой книги, вылетело и легко спланировало на пол. «Посыпалось... Древний мусор. Все вытрясти и выбросить...» Видно, досада все же прокралась в настроение и, разрастаясь, удобно расположилась в нем. Двумя пальцами Лида подхватила «мусор», чтобы никто из домашних не растоптал в мелкую пыль.

...Засушенный тюльпан мало изменился за двадцать лет. Разве что лишился лепестка. Но сохранил краски. Не те, конечно, что радуют в живом растении. Из пурпурного стал просто темно-красным. Зато почти вечным. Во всяком случае перемены, происшедшие за эти годы в самой Лидии, мало затронули цветок, впитавший запах книг и времени. Английские слова вздохнули и отступили в сознании, освободив дорогу легкому и звонкому, как мартовская капель, имени — А-лек-сей.

...Весна. Безответственный, далекий от выпускных экзаменов девятый класс. Воскресенье. Лидка вертится перед зеркалом в ярком малиновом, как заря в ветреный переменчивый день, платье. Только что сшила сама. Удались и роскошные крупной сборки рукава, и строгая стойка, а как хороша расклешенная юбка! Причесаны и завиты на концах волосы. «Еще бы и мордашку другую бог дал, — сварливо, по-старушечьи проговорила себе под нос кокетка. — Но я иду не красоту демонстрировать, а мозги...»

Неказистая, с Лидкиной точки зрения, внешность лишила ее всяческих надежд увидеть себя рядом с «принцем на белом коне». Она привыкла к тому, что о внешней красоте с нею не говорили, а просто симпатичной ее назвать не позволяли жидкие, тусклые, какого-то серого цвета волосы, неровный и слишком длинный нос, недостаточно пухлая верхняя губа... Все эти характеристики она себе сама выдала давным-давно и суждения с тех пор не меняла. Тем более и любимая классная руководительница вечно подчеркивала, что «хороший человек — это, конечно, не профессия, но все равно самое главное в жизни». «Конечно, кому миловидности недостало, тот должен быть вдвое умнее симпатичного, иначе кому будешь интересен» — это Лидкиной собственной персоной сформулированное правило звучало аксиомой. В тот раз печалиться о недостатках было особенно некогда — опаздывала на занятия.

Литературная секция (терпеть все не могли слова «кружок») занималась в выходной день, поскольку юные таланты в обычные дни недели были страшно заняты физикой, математикой и развитием всех своих мыслимых способностей. Интеллектуальный литературный клуб тянул к себе авторов отличных школьных сочинений, чтобы соревноваться с равными. Встречались каждый раз бурно, как после долгой разлуки, отпускали заготовленные и спонтанные приветствия и шутки, стесняясь (кто деланно, кто по-настоящему), доставали из сумок и пакетов литературные «шедевры», чтобы читать вслух и обсуждать, орать и спорить, деликатно журить, хвалить и советовать. О-о-о! Хлебом не корми, дай объяснить коллеге по литературной «божьей искре», в какой доработке нуждаются исписанные накануне ночью страницы.

Лида ходила сюда недавно, с середины зимы. Но уже знала всех по именам и кто в какой школе учился, и даже кто чем знаменит. Володька... Лучший друг. Как защищал он ее первый опус от ярых нападок «акул пера». А как же! Новичок по традиции получал «разгром», чтобы почувствовал, куда попал. А уж потом, когда он растеряется и расстроится, но станет «своим», его начнут хвалить, непременно станут помогать и вместе горячо переживать удачи и неудачи. Володька не дал Лиде и малейшей возможности отражать наскоки «оппонентов», отбился сам и «поверг их в ничтожество». «Молодец! Девушку в обиду не дал и себя показал», — так сказала тогда Наталья Ивановна, руководительница секции. Другие... С ними всегда интересно, время летит незаметно, и следующего воскресенья ждешь-не дождешься. Как выяснилось, все до одного отличные ребята. А тот один — наособицу...

Алексея за все время знакомства с секцией Лида еще не видела ни разу, зато слышала о нем постоянно. «Вот придет Лешка, Гальков сказал, Леха предупредил...» Казалось, он учился всему сразу и не без успеха. Кроме литературного творчества, Алексей активно осваивал фотографию, подводное плавание, бокс, играл ведущие роли в школьном театре. Подготовленная всеобщим обожанием, ждала Лида явления героя. Пришедший был всем хорош: светлыми волнистыми волосами, ладной спортивной фигурой. Он был ироничным, но приветливым, внимательным и общительным.

Лидкина влюбленность обрушилась на нее внезапно — просто потому, что любви много было вокруг. Лешку обожали все девчонки, быть рядом стремились все ребята. А Лидка... Может, просто хотелось быть вместе со всеми? Поначалу — да... Но весна накатывала волнами, Лидка таяла в солнечной неге и мечтала о нем. О Нем никогда и никому не говорила. Да и с кем делиться? Друзья по секции ее чувства поняли бы, но скорее посочувствовали, чем разделили. В школе? Да разве там знают, какой он! Еще обиделись бы. Впрочем, тему для мечтаний давал и поддерживал сам Алексей, с которым то и дело после занятий Лида шла домой: просто по пути было. Во всяком случае, она была уверена, что только эта причина сводила их вместе на буйно цветущих аллеях парка вокруг Дворца пионеров. Говорили... о школе, конечно, о выборе профессии, о вузовских экзаменах... Какая разница, о чем? Алексей шутил, рассказывал байки, обсуждал свои планы. Было тепло и радостно. Эти прогулки были ее большой тайной и причиной считать себя особенной в кругу Лешкиных друзей.

Все кончилось точно по календарю. Три месяца спустя Алексей уезжал поступать в университет. Он был старше на год, и его школьная жизнь завершилась. Время... Разве она не знала, что так случится? Выпускников поздравляли на специально подготовленном к этому случаю празднике, напутствовали, желали, советовали. Потрясенная расставанием и неотвратимостью потери Лидка сидела молча, не решаясь заговорить, чтобы ее волнения никто не увидел и чтобы, не дай бог, не расплакаться. «Скорее бы, пусть уже уходит...» — стучало в голове. А хотелось, чтобы эти минуты тянулись вечно.

Нет. Слова сказаны, выпита газировка, съедено моложеное, подарены грамоты, книги и цветы. Именинники праздника ушли домой, а символически — в новую взрослую жизнь, за ними закрылась дверь. Оставшиеся шумели, расставляя вдоль стен кабинета прежде сдвинутые в тесный кружок стулья. Вот так посреди комнаты со стулом наперевес и очнулась несчастная Лидка от звука Его голоса. Подняла глаза... Не показалось! Леша пытался принять у нее стул, ему мешали вещи в руках. Он просто положил их на пол, забрал наконец стул, который Лидка все еще, не понимая, что происходит, прижимала к себе. Потом он быстро говорил о приезде на каникулы, о том, что через год, возможно, он и Лидка будут учиться на одном факультете, еще о чем-то безусловно важном или не очень... Она кивала головой. Мучительно хотелось плакать на его плече, нет... хоть дотронуться ладонью до щеки... Кажется, миг длился вечность, но это был лишь миг.

Алексей положил тюльпан в ту самую ладонь, что горела желанием тепла его щеки, сжал руку легонько, чтобы не повредить стебелек, повернулся и ушел. Вокруг продолжалась суета. Вроде бы и не заметили Лешкиного бурного монолога. Но почему-то никто и не спросил о цветке, который прижимала к сердцу Лидка. Она никуда не торопилась, ни с кем не говорила. Она просто была счастлива, вспоминала и вспоминала слова, звучавшие в аллеях парка, Лешкин смех... Внутри щемило от безвозвратной утраты того, что не сказалось, что могло бы быть, но не состоялось. Но почему-то теперь мир улыбался ей Алешкиной улыбкой.

Лида сохранила подарок Алексея в этой толстой темно-синей книге. Словарем пользовалась часто, все время натыкаясь на тюльпан, иногда брала в руки плоский, но бесконечно красивый символ ее давнего романтического чувства. Больше с Алексеем она не виделась никогда. Он поступил не в намеченный, а в другой вуз, жизнь развела по городам. Навсегда? Теперь это уже не важно.

Не в те краткие мгновения, когда потерянная любовь на прощание жгла Лиду горячим своим пламенем, а позже пришла простая и мудрая мысль: «Все в жизни будет, как мечтается. Другая весна наступит, прощания, встречи. Кто-то обязательно ждет там, впереди. Он, наверное, тоже теряет и находит, радуется и печалится. До поры сам по себе. Нет красивых и некрасивых, нет удачливых и несчастливых. Все переменчиво. Но важно верить, что счастье сбудется. И тогда — оно сбудется непременно. Кто сказал, что пирнц твоих грез недоступен? Оглянись — он смотрит тебе вслед. Не пропусти поворота дороги к нему. Не тот? Все равно иди, иначе как узнаешь ты о своей ошибке? И как найдешь своего?

... Голос совсем близко:

— Мам, я нашел «fairy-tale» — это волшебная сказка...

— Да?! Волшебная сказка? Антон, умница. Ты сам справился, а я тут все листаю... Задумалась, извини...

Лидия бережно поднимает с паласа сухой тюльпан и кладет его между страниц книги. Пусть напоминает о том, что жизнь иногда дает именно тот подарок, о котором мечтаешь. Но не всегда хватает духа его принять. Душа должна быть готова стать счастливой. Иной раз этому учишься всю жизнь.

С. АРИСТОВА.